

**КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ПЕРИОДА СВО: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ
С УЧЕТОМ АКСИОЛОГИИ, ТЕХНИКИ, ОБОСНОВАННОСТИ**

Юлия Станиславовна Караваева

*НИУ «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ — Пермь), Пермь, Россия**IUSKaravaeva@hse.ru* <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Аннотация. Криминализация последнего периода длительностью более, чем десять лет, выступает предметом критического обсуждения в научной среде. Вместе с тем переживаемый Российским государством и обществом беспрецедентный исторический момент, как представляется, так или иначе должен накладывать свою специфику и на уголовное законодательство. В рамках предпринятого автором анализа законодательской деятельности по новеллизации Особенной части отечественного уголовного закона периода специальной военной операции за основу были взяты критерии аксиологической направленности новелл, их особенностей в контексте законодательной техники и, наконец, обоснованности криминализации. Исходя из аксиологической направленности криминализации рассматриваемого периода сделан вывод об очевидном учете законодателем реальных и/или потенциальных рисков безопасности государства. Важно, что, как правило, именно указанные запреты формулируются с использованием конструкции административной преюдиции. Кроме того, с точки зрения законодательной техники обращает на себя внимание криминализация деяний, подлежащих, по общему правилу, оценке в рамках учения о неоконченном преступлении, теории соучастия. Установлена непротиворечивость конструкций отдельных составов преступлений в связи с использованием оценочных понятий и возникающей конкуренцией с уже действующими положениями Особенной части УК РФ. Наконец, оценка нововведений с позиции криминологической обоснованности приводит к выводу о том, что только в пяти случаях из двенадцати пояснительные записки к законопроектам о введении того или иного уголовно-правового запрета содержали сведения, обосновывающие заключение об общественной опасности конкретного деяния. Интересно, что соответствующими законопроектами предлагалось установление ответственности за преступления, посягающие на иные, не связанные с интересами государства, общественные отношения и блага.

Ключевые слова: криминализация, специальная военная операция, криминологическая обоснованность, аксиология уголовного закона

Для цитирования: Караваева Ю. С. Криминализация периода СВО: некоторые замечания с учетом аксиологии, техники, обоснованности // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 113–118. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-113-118

Research article

**CRIMINALIZATION OF THE PERIOD OF THE SMO: SOME REMARKS
CONSIDERING AXIOLOGY, TECHNIQUE, VALIDITY**

Yuliya S. Karavaeva

*Higher School of Economics (HSE Perm), Perm, Russia**IUSKaravaeva@hse.ru* <https://orcid.org/0000-0003-2241-7360>

Abstract. Criminalization of the last period of more than ten years is the subject of critical discussion in the scientific community. At the same time, the unprecedented historical moment experienced by the Russian state and society, as it seems, in one way or another should impose its specificity on criminal lawmaking. In the framework of the author's analysis of lawmaking activity on novelization of the Special Part of the domestic criminal law of the period of the special military operation, the criteria of axiological orientation of novelties, their peculiarities in the context of legislative technique and, finally, the validity of criminalization were taken as a basis. Based on the axiological orientation of criminalization of the period under consideration, the conclusion was made about the obvious consideration by the legislator of real and/or potential risks to the

security of the state. It is important that, as a rule, these prohibitions are formulated using the construction of administrative prejudice. In addition, from the point of view of legislative technique, attention is drawn to the criminalization of acts subject, as a general rule, to evaluation in the framework of the doctrine of unfinished crime, the theory of complicity. It is established that the constructions of certain corpus delicti of crimes are flawed due to the use of evaluative concepts and emerging competition with the already existing provisions of the Special Part of the Code. Finally, the assessment of innovations from the position of criminological validity leads to the conclusion that only in five cases out of twelve explanatory notes to draft laws on the introduction of a particular criminal-legal prohibition contained information justifying the conclusion about the public danger of a particular act. Interestingly, the relevant draft laws proposed to establish liability for crimes that infringe on other, not related to the interests of the state, social relations and benefits.

Keywords: criminalization, special military operation, criminological validity, axiology of criminal law

For citation: Karavaeva YuS. Criminalization of the period of the SMO: some remarks considering axiology, technique, validity. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(3):113-118. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-113-118

Введение

Активная законотворческая деятельность, результатом которой выступает пополнение Особенной части российского уголовного закона новыми уголовно-правовыми запретами, уже давно привлекает внимание ученых и не раз становилась предметом обсуждения на страницах научной печати. Несомненная актуальность вопросов криминализации сохраняется на протяжении последних более десяти лет, и за этот довольно длительный период авторами выявлены отдельные тенденции криминализации, сформулированы серьезные критические замечания относительно ее результатов и предприняты попытки переосмысления доктрины в свете особенностей современного уголовного законодательства. В то же время, переживаемый в настоящий момент период в истории современного Российского государства можно назвать беспрецедентным, в первую очередь, в связи с проводимой нашим государством специальной военной операцией (далее — СВО). Не будет преувеличением отметить, что все текущие социально-экономические и политические процессы в российском обществе подчинены логике ее развития — в том числе и, пожалуй, в первую очередь, — деятельность законодателя. Применительно к уголовному законодательству, начиная с 2022 года, можно говорить о наличии ряда особенностей — забегая вперед, отметим, что, по большому счету, значительная их часть есть проявление отдельных тенденций, имевших место и до рассматриваемого периода.

Материал и методы

В рамках исследования использован текст Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ, Кодекс), тексты законопроектов и пояснительных записок к ним за период с февраля 2022 г. по март 2024 г., содержащих предложения по криминализации тех или иных деяний и обоснование к ним, а также специальная литература по теме работы. Основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы научного познания.

Описание исследования

В науке отмечается, что «...модернизация законодательства уже давно приобрела перманентный характер, стала своеобразной нормой современного динамично

развивающегося общества» [1, с. 6]. Рассматриваемый период не стал исключением из общей картины высоко динамичной новеллизации Особенной части уголовного закона: с февраля 2022 года по март 2024 года было принято 33 федеральных закона, обновивших редакции УК РФ, при этом 12 из них опосредовали введение 25 новых уголовно-правовых запретов. Анализировать указанные нововведения представляется целесообразным, как минимум, с учетом следующих критериев: аксиологической направленности, законодательной техники и, наконец, обоснованности криминализации.

Так, в свете аксиологического подхода уголовный закон выступает проекцией тех ценностных ориентиров, которых придерживается общество и государство в своей жизнедеятельности. Отсюда законотворческая составляющая уголовно-правовой политики отражает актуальные их представления о наиболее значимых ценностях — общественных отношениях, благах, а правоприменительная составляющая проводит их в жизнь, подтверждая обоснованность этих представлений или вскрывая их ошибочность.

С указанной точки зрения, в первую очередь, бросается в глаза явное усиление уголовно-правовой охраны интересов государства, о чем свидетельствует наибольшее количество изменений, внесенных в соответствующие структурные части Кодекса. В частности, раздел X «Преступления против государственной власти» пополнился 12 статьями, 10 из которых направлены на охрану конституционного строя и безопасности государства. Отметим, что ряд новелл, появившихся в других частях Кодекса, также устанавливает ответственность за деяния, так или иначе связанные с интересами государства: например, ст. 274.2 УК РФ «Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования», ст. 201.2–201.3 УК РФ, устанавливающие ответственность за нарушения условий государственного контракта хозяйствующими субъектами.

Полагаем, что, действительно, кризисные, переломные периоды в истории государства и общества

способны выявить рискогенные факторы, вызывающие объективную потребность в устранении обозначившихся пробелов в действующем законодательстве. Ситуация специальной военной операции — пример такого исторического периода, кардинально повлиявшего на приоритеты уголовной политики относительно прежних лет. Так, если, начиная с 2009 года до начала СВО «лидерами» по количеству вновь введенных уголовно-правовых запретов традиционно считался раздел VIII «Преступления в сфере экономики» (причем абсолютное большинство новелл внесено в главу 22) и раздел IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», то с февраля 2022 года в указанные структурные части было внесено, соответственно, 4 и 5 новелл, причем часть из них направлена, так или иначе, на охрану государственных интересов.

Таким образом, в свете аксиологической направленности криминализации рассматриваемого периода очевиден учет законодателем реальных и/или потенциальных рисков безопасности государства, что, в целом, объяснимо с точки зрения текущих геополитических реалий.

Оценка указанных нововведений с позиции техники законодательства предполагает обращение к следующим моментам. Во-первых, обозначившая себя ранее тенденция специализации уголовного закона продолжила свое проявление и в текущем периоде: появление новых составов преступлений происходит «...в основном за счет выделения специальных составов из общих» [2, с. 38]. В частности, из 25 новых уголовно-правовых запретов не менее $\frac{2}{3}$ содержат признаки специальных составов преступлений. И здесь важно понимать, что криминализация как форма уголовно-правовой политики отражает ее приоритеты, устанавливая возможности для реализации государственного принуждения в случаях посягательств на охраняемые законом объекты. Однако избыточная криминализация, по всей видимости, характерная для современного российского уголовного законодательства, лишь акцентирует внимание правоприменителя и населения на отдельных объектах, поскольку в большинстве случаев ее результатом является введение специальной нормы, содержащей признаки деяния, уже признанного преступным. По большому счету, значение такой нормы сводится к дифференциации ответственности — усилению (значительно реже — к смягчению) мер ответственности, что, помимо прочего, может свидетельствовать о крайней заинтересованности государства в обеспечении неприкосновенности конкретного объекта посягательства.

Во-вторых, помимо указанного обстоятельства, важно обратить внимание, что законодатель продолжает тенденцию криминализации деяний, по сути, представляющих собой приготовление к тому или иному преступлению или подлежащих оценке с точки зрения института соучастия. В науке такого рода составы оцениваются как конструкты, «...которые позволяют применять правоограничительные меры в ситуациях минимальной опасности и отсутствия реального вреда»

[3, с. 119]. В качестве примеров можно привести ст. 275.1 УК РФ «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности», ст. 281.2 УК РФ «Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности» и некоторые другие, включая так называемые вербальные преступления (например, ст. 280.4 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства»). Конструкции составов подобного рода порождают активную критику ученых: «криминализация общественно опасных деяний... в форме самостоятельных составов преступлений не имеет под собой уголовно-политических оснований, поскольку в полном объеме сохраняются возможность и целесообразность привлечения к ответственности виновных посредством применения норм Общей части УК России, в которых регламентирована ответственность за приготовление к преступлению и соучастие в преступлении» [4, с. 11]. Помимо того, что подобного рода нормы появляются в нарушение принципа системности законодательства, расширение круга деяний с такими конструкциями составов свидетельствует и об акценте законодателя на превентивной функции уголовного закона в рамках уголовно-правового воздействия и на усилении его репрессивности.

Справедливым это утверждение представляется и в связи с тенденцией увеличения в Особенной части Кодекса числа норм с признаками административной преюдиции, известной российскому законодателю с 2011 года. Применительно к нововведениям анализируемого периода 11 из 25 уголовно-правовых запретов можно отнести к таковым. Дискуссионность конструкций подобного рода составов известна [5; 6], однако дальнейшее расширение их присутствия само по себе авторами оценивается именно в контексте расширения превентивного значения уголовного закона, что, в свою очередь, также порождает совершенно различные, в том числе, критические оценки ученых [7]. Отметим, что в ранее проведенных исследованиях феномена административной преюдиции в уголовном праве мы пришли к выводу о том, что в основе появления соответствующих норм лежит либо свойство общественной опасности, образуемое за счет кумулятивного эффекта и личностных свойств личности преступника, либо соображения целесообразности [8]. Отсюда вытекает заключение о том, что далеко не в каждом случае можно говорить об оправданности введения очередного уголовно-правового запрета с признаками административной преюдиции: Н. В. Кадников, обращая внимание на «крен законодателя в сторону построения норм Особенной части уголовного закона с использованием административной преюдиции», отмечает, что «в определенных случаях этот способ дифференциации ответственности должен быть использован, но не так обширно, как это происходит в действующем УК РФ» [9, с. 93].

И, наконец, оценка новелл с позиции законодательной техники была бы неполной без указания

на непротиворечивость законодательного описания признаков состава в отдельных случаях — прежде всего, в связи с использованием оценочных понятий при отсутствии их официального толкования. Ярким примером, безусловно, следует назвать ст. 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации». Исходя из диспозиции нормы, объективная сторона данного преступления включает в себя широкий круг действий, ограниченных лишь признаком публичности и целью их совершения, в формулировке которой используется термин «дискредитация». С учетом неоднозначности последнего и отсутствия нормативного определения [10] высказывается мнение, что «...любые публичные действия, совершенные умышленно и противоречащие официальной позиции Министерства обороны Российской Федерации, могут быть расценены как преступление» [11, с. 17]. Анализ судебной практики привлечения к ответственности в связи с совершением указанных действий обращает внимание на их абсолютную разнородность [12], что в свете не определенного легально понятия дискредитации, по большому счету, есть закономерная проекция недостаточности технически проработанной нормы на практику ее применения.

Кроме того, принимая во внимание дополнение главы 24 Кодекса ст. 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации», следует отметить факт конкуренции между обозначенными нормами, на что также указывается в науке [13].

Полагаем, что обозначенная непротиворечивость формулировок обусловлена, в том числе, поспешностью принятия законодательных решений, что проявляет себя и в свете оценки их обоснованности. В науке справедливо подчеркивается, что, «признавая влияние уголовно-политических факторов на формирование уголовного закона, отметим, что насыщение Особенной части Уголовного кодекса РФ специальными нормами должно получать официальное обоснование в пояснительных записках к законопроектам с политических, социальных и правовых позиций» [14, с. 19].

Вопрос о криминологической обоснованности вновь введенных в закон уголовно-правовых запретов требует

обращения к массиву соответствующих пояснительных записок, в обязательном порядке сопровождающих законопроекты. Согласно п. «а» ст. 105 постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», среди прочих сопровождающих законопроект документов при внесении его в Государственную Думу субъектом (субъектами) права законодательной инициативы должна быть представлена «пояснительная записка к законопроекту, содержащая предмет законодательного регулирования и изложение концепции предлагаемого законопроекта, а также мотивированное обоснование необходимости принятия или одобрения законопроекта»¹.

Обращение к текстам 12 пояснительных записок, сопровождавших соответствующее количество законопроектов, содержащих предложения о криминализации того или иного из деяний, облеченных впоследствии в форму 25 уголовно-правовых запретов, показывает, что только в 5 случаях пояснительные записки содержали сведения, обосновывающие идею об общественной опасности конкретного деяния. Интересно, что речь идет о преступлениях, посягающих на иные, не связанные с интересами государства, объекты, ответственность за которые установлена ст. 172.4, 234.2, 260.1, 264.3, 321.1 УК РФ. Остальные пояснительные записки, опосредующие установление уголовной ответственности за деяния, так или иначе связанные с интересами государства, обоснования не содержат.

В данном случае имеет место игнорирование не только установленных нормативно правил и требований к законодательному процессу, но и разработанного в доктрине учения о криминализации (декриминализации), социальное значение которого сложно переоценить: его цель — одернуть законодателя от использования уголовного закона в целях, не отвечающих его природе как монопольного инструмента наиболее жесткого принудительного воздействия. Верно отмечается, что «усложнение процессов правового регулирования, характерное для современного этапа правового развития, объективно актуализирует потребность в серьезном научном обосновании принимаемых решений» [15, с. 13]. Более того, «источником выверенных идейных основ законопроектного творчества в первую очередь обязана служить научная теория, иначе неоднозначным предстает назначение юридической науки» [16, с. 17]. В рамках последней, к слову сказать, высказываются различные точки зрения относительно необходимости и целесообразности столь динамичной трансформации уголовного закона в рассматриваемый период. В частности, указывается, что «...особенностью сегодняшнего времени является то, что оно радикально

¹ О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-II // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> (дата обращения: 08.10.2023).

отличается от вчерашнего (не говоря уже о позавчерашнем), поэтому так стремительно устаревают и уходят в прошлое многие прежние взгляды и представления. И если вовремя не вносить в них необходимые коррективы, а если и надо, решительно отказываться от прежних догм и стереотипов политического, экономического, социального, военного, информационного и правового мышления, то могут наступить необратимые негативные последствия для российской государственности» [17, с. 111]. Подчеркивается значение текущей геополитической ситуации для целей уголовного законодательства: «...значительные изменения конъюнктуры в области обеспечения национальной безопасности послужили основной причиной преобладания установки на криминализацию и пенализацию, игнорирования опасности неоправданного усиления ответственности и вследствие этого дисбаланса санкций, а также рассогласования взаимосвязей в структуре норм и институтов уголовного права» [18, с. 64].

Представляется, что текущая геополитическая ситуация не только не освобождает законодателя от обязанности соблюдать требования к законодательному процессу, но, наоборот, придает ей значение необходимости: в условиях актуализации внутренних и внешних угроз Российской государственности, очевидно, требуется неуклонное соблюдение закона, в том числе в законодательской деятельности. Применительно к уголовному законодательству особенно важно помнить о том, что текст уголовного закона, по сути, воплощает собой избранную государством позицию в вопросах о соотношении свободы и безопасности, о пределах ограничения первой в целях обеспечения второй: «опасность произвольного вторжения законодателя в сферу конституционных прав человека резко возрастает в кризисных условиях» [14, с. 5–22].

Заключение и вывод

Таким образом, оценка результатов уголовного законодательства в форме криминализации периода СВО приводит к следующим выводам: во-первых,

законодатель значительно усиливает уголовно-правовую охрану государственных интересов, что вытекает из аксиологической направленности новелл Особенной части Кодекса. Во-вторых, это происходит за счет дальнейшего насыщения уголовного закона специальными нормами, что соответствует тенденции специализации Кодекса, в принципе присущей ему в последнее десятилетие. В-третьих, акцентируя таким образом внимание на тех объектах, которые, по его мнению, нуждаются в усиленной правовой охране, законодатель использует конструкцию административной преюдиции, а также криминализирует деяния, содержание которых образовано либо приготовлением к тому или иному преступлению, ответственность за которое уже установлена, либо действиями соучастников. Это, с одной стороны, свидетельствует о «ставке» законодателя на превентивный эффект уголовного закона, а с другой — на ужесточение подхода к уголовно-правовому воздействию. В-четвертых, безупречность законодательной техники конструирования составов преступлений проявляется, помимо указанного, в использовании оценочных понятий. И, наконец, в-пятых, установленные игнорирование доктрины и пренебрежение нормативно определенными требованиями к законопроекту и сопровождающим его документам в части пояснительной записки приводят к дальнейшему насыщению уголовного закона необоснованными уголовно-правовыми запретами. Уместно подчеркнуть аксиоматичность положения об обоснованном законе как заведомо качественном законе, на что не раз обращалось внимание в науке: «в оптимальной ситуации соответствие законодательного решения о криминализации деяния целям, основаниям, принципам и правилам, обоснованным теорией, выступает условием качества уголовного закона и залогом его эффективности» [3, с. 111]. Учитывая перечисленные выше технические несовершенства принятых в период СВО уголовно-правовых новелл Особенной части, можно утверждать, что качественное их обоснование на этапе принятия с высокой вероятностью позволило бы их избежать.

Список источников

1. Рудковский В. А. Политический подход в юридической науке и доктрина пробелов в праве // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 11. С. 5–14. DOI: 10.61205/jrp.2023.123
2. Курсаев А. В. Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации // ПРАВО: история и современность. 2021. № 1 (14). С. 37–44. DOI: 10.17277/pravo.2021.01.pp.037-044
3. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 110–125. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.194.1.110-125
4. Субачев А. К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. 28 с.
5. Лопашенко Н. А. Административной преюдиции в уголовном праве — нет! // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 65–71.
6. Иванчин А. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П) // Уголовное право. 2017. № 4. С. 50–53.
7. Коробеев А. И., Ширшов А. А. Уголовный проступок сквозь призму института административной преюдиции: благо или зло? // Уголовное право. 2017. № 4. С. 68–72.

8. Караваева Ю. С. Межотраслевая дифференциация ответственности в уголовно-правовых нормах с признаками административной преюдиции: законодательный и правоприменительный подходы // *Lex Russica*. 2022. № 8. С. 81–98. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.189.8.081-098
9. Кадников Н. Г. К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27, № 6. С. 89–96. DOI: 10.12737/jrp.2023.069
10. Дубова М. Е. Дискредитация органов внутренних дел: уголовно-правовой и терминологический аспект // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2022. № 2 (58). С. 192–198.
11. Достовалов С. А. Уголовно-правовая характеристика публичных действий, направленных на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации // *Вестник Владимирского юридического института*. 2022. № 2 (63). С. 15–20.
12. Мурадян С. В. Вопросы применения статьи 280.3 УК РФ о дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации или исполнения государственными органами своих полномочий // *Криминологический журнал*. 2023. № 1. С. 87–94. DOI: 10.24412/2687-0185-2023-1-87-94
13. Пошелов П. В. Административная ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования вооруженных сил Российской Федерации // *Военно-юридический журнал*. 2022. № 6. С. 2–5. DOI: 10.18572/2070-2108-2022-6-2-5
14. Нудель С. Л. Модернизация уголовной политики: проблемы правового регулирования // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27, № 1. С. 5–22. DOI: 10.12737/jrp.2023.001
15. Рудковский В. А. Научность в системе принципов правовой политики современного государства // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26, № 11. С. 5–14. DOI: 10.12737/jrl.2022.113
16. Серков П. П. Некоторые закономерности правотворчества // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27, № 6. С. 5–21. DOI: 10.12737/jrp.2023.063
17. Босхолов С. С. Вызовы и угрозы основам конституционного строя и российской государственности: политико-правовой и криминологический аспекты // *Всероссийский криминологический журнал*. 2023. Т. 17, № 2. С. 109–121. DOI: 10.17150/2500-4255.2023.17(2).109-121
18. Нудель С. Л. Уголовно-правовые механизмы обеспечения национальной безопасности // *Журнал российского права*. 2023. Т. 27, № 11. С. 62–74. DOI: 10.61205/jrp.2023.128

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 31.03.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 02.06.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2024.